

ОЛЬГА ЛЕВСКАЯ
ЖЕНСКАЯ ЛЕКСИКА 18+

ОЛЬГА ЛЕВСКАЯ

ЖЕНСКАЯ ЛЕКСИКА 18+

..

Красноярск
2018

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Л37 Левская, О. Женская лексика. — Красноярск, 2018. —
100 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Нина Ягодинцева. Надмысленно и подкожно</i>	7
Перечислительное.....	13
«Утро висит междометием. День пока...».....	14
«Я иду в школу с каждым встречным первоклассником...».....	15
«Что у тебя болит, мой друг? — Слова...».....	16
«Как древо корой, прирастаешь вчерашним воскресным...».....	17
«Что там впереди маячит?..».....	18
«...А у меня тоже была собака...».....	19
«Весна подползает...».....	20
«Уже июль, пока ещё без пуха...».....	21
«Сдам в аренду квартиру, машину, парковку и дачу...».....	22
«То ль на обуви мозоли, то ль на крыльях...».....	23
Что ты сегодня для вечности сделал, мальчик?.....	24
«Я — одинокий пешеход под раскалённой пяткой неба...».....	25
«У ангела-хранителя работа — боже мой...».....	26
«Вот галерея фотоснимков...».....	27
«Встаёт внезапный день, и распрямляет спину...».....	28
«Робость — это такая работа души...».....	29
«Раз два три четыре пять...».....	30
«Я не могу в себе ращу, как рыбу...».....	31
«Люди ходят и носят свои одиночества тихо...».....	32
«А жили достойно, достально, достадно...».....	33
«Бродячий театр душонки моей...».....	34
«Поговорим сегодня о любви...».....	35
«В гробу все старухи похожи...».....	36
«Они готовят друг другу подарки на каждую божью ночь...».....	37
«Песчаность дней. Сыпучесть мироздания...».....	38
«Остатки бытия — в альбомах, на бумаге...».....	39
«Сыромятка лица, сухомытка подкушенных губ...».....	40
«Протянуть руку погладить по голове...».....	41
«Ассоль просыпается, щурит глаза на свет...».....	42
«Случайный повод — как случайный поезд...».....	44

«Моя ромашка попадёт в цветочный рай...»	45
«Утром после успешных занятий практической генетикой...»	46
«Ну о чём нам с тобой говорить...»	47
«Я принесу тебе дитя...»	48
«Гармонию измерив сантиметром...»	49
«Ты лежишь, раздавлен, в темноте...»	50
«Вполглаза любит и вполуха ценит...»	51
У окна	52
«Когда чувствуешь, что стареешь...»	52
«Время стоит в утомлённых трудами ладонях...»	53
«Цивилизованные люди не ставят лайки...»	54
Квазитекст.....	55
«Ну сколько ты так продюжишь в своём бессилье...»	56
«Неразменна монета ненужной любви...»	57
«Плохие сильные стихи...»	58
«Берёшь себя, несёшь себя сквозь завтра...»	59
«А поутру они проснулись. Двор...»	60
«Чем ты пишешь? Которой из физиологий?»	61
«Путь воина — от манной каши...»	62
«Треки капель по стеклу...».....	63
«Острый приступ любви заставляет схватиться за левый бочок...»	64
«Не она ль тебя поила из последних лет и сил?»	65
«помогите отыскать мою девочку...»	66
«Вливается солнце желтком в молоко через край...»	68
«Добрая память, пошли мне то утро...».....	69
Гезель шена	70
Сон на субботу — 1	71
Сон на субботу — 2.....	72
Тетраморф (Пробуждение)	73
«Где ты что ты и дней абак...».....	74
«Она ходит с книжками в сумке...»	75
«Мама я потеряла опять перчатки...»	76
«Один един, как перст...»	77
«Непушкин Саша ходит хмурый и курит много сигарет...»	78
«Как тебе можется, как тебе любится?»	79
«Эта весна всегда уходила внезапно...».....	80
«Очнуться в воскресное утро, и что-то ещё...»	81
«Сам себе мерная мера...».....	82
«Можешь не чесать — не чеши...».....	83
«Обесточено...»	84

«Я купила тебе пару книг, автор — тёзка той самой подруги...»	85
«Гольй, босый, белёсый, прошитый синью...»	86
«Скажи мне чего тебе хочется после секса...»	87
«Смотришь из зеркала. Хочется: белое-белое-белое платье...»	88
«Куда бечь...»	89
«Просыпаешься с мыслью побега разъезда развода...»	90
«Ты веришь в меня. Я расту и коплю силы...»	91
«Всё это тебе приснилось за полчаса...»	92
«Мой ангел кричит твоему — поиграем в снежки!...»	93
<i>Владимир Василенко. Поэт, у которого болят слова</i>	95

НАДМЫСЛЕННО И ПОДКОЖНО

Из бесчисленного количества определений поэзии, прямых, научно-филологических, вольно-образных, вдруг возникло в воображении и легко утвердилось одно простое, школьно-студенческое: шпаргалка. По ассоциации с первой строкой «Перечислительного» стихотворения Ольги Левской из её новой книги, которую ты, читатель, держишь сейчас в руках.

Шпаргалка — да, так. Писать урывками, торопливо, крадя минуты у быта, суеты, сна. Записывать, выверять — и сто раз переписывать на чистовую, чтобы в нужный момент краешком взгляда зацепить несколько строчек — и вспомнить всё, что необходимо знать и следует ответить жизни. Для кого поэты пишут эти шпаргалки? Для себя? Может быть, но менее всего. Скорее, для тех, кто растерянно смотрит в небо или безнадежно потупил взгляд.

А что на листках с ответами? Вещные приметы вечного, взвихренные взволнованной речью, подсвеченные солнцем любви мелочи, драгоценно искрящиеся в новом для них свете:

*Где ты что ты и дней абак
И часы всё своё тик так
И снега всё своё скрип скрип
Ты поёшь ещё иль охрип
Ты живёшь ещё или уже
Доживаешь держа в душе
Выключатель готовый off
Я тебе занимаю слов
Я тебе отдаю свои
Наливаю держи живи
(...)
Открываю скорей запас
Потерпи я сейчас сейчас*

Кажется, стихи Ольги Левской погружены в быт — но оказывается, они высвечивают его, выверяют на подлинность чувства, интонации, на степень душевной

открытости. Есть в этих стихах и филологическая лёгкость, но пусть она не обманет тебя, читатель: не все слова проговаривают поэтическое, иногда они намеренно укрывают и таят его, а иногда служат для него прозрачным сосудом, сферой-аквариумом:

*Бродячий театр, как старушка-левретка,
Дрожит, и печален, и служит, и ждёт:*

*А вдруг из господня кувшина — в ответ —
Не солнца желтки, не крупа ангелячья —
Кибитка-кибитуца, занавес, свет
И сцена как площадь — за честного плача,*

*И честного смеха, и честной игры
Недели и месяцы годы и годы —
Достанутся? Вдруг неизбежны дары?
А он не готов ни к чему, кроме свода*

*Небесного, поля, степной суеты,
Комариков, оводов, яростной пыли,
И блеска пайеток поверх нищеты,
И лёгкости, прячущей годы усилий.*

«Женская грамматика» — книга-шпаргалка, стихи-подсказка. Замечательно, что грамматика эта пронзительно современна, доверительно-открыта и совершенно по-женски эмоционально-логична:

*Весна подползает
тянет на тряпочки и каблучки
любимый всё занят
какие-то пустяки
вроде работы денег насущного хлеба детям
а от горизонта неба угол в рассвете светел
а от горизонта серым тянет февраль и белым
а был любимый в лете солнечным загорелым
были дети как дети а не по центру мира
было рядом бессмертье в каждом углу квартиры
тянет от горизонта тихо сквозит
почти
неразлично тянет на тряпочки-каблучки.*

Способность проникать в глубину чувства, умение говорить о беспощадно-грозном наивно-трогательно, легко-насмешливо, холодновато-отстранённо, как ни странно, преобразует этот мир, приручает, причает его к тому, что твой ответ — наизусть или со шпаргалкой — единственно правильный для вас двоих в данный момент времени, в данной точке бытия. В этом смысле стихи Ольги Левской — прямая подсказка.

Нина Ягодинцева (Челябинск)

ЖЕНСКАЯ ЛЕКСИКА 18+

ПЕРЕЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Напиши мне картину, нет, песню, нет, лучше шпаргалку.
Чтобы я просыпалась, и знала куда, и зачем, и брела,
Как блаженная Марфа, всё из дому в дом — мне не жалко —
Приносила б щепотку, кусочек, напёрсток тепла,
И, ведомая хитрой, корявой, запутанной схемой,
Попадала б с разбега то в омут, то в рай, то впросак,
Получала что должно — пространство, и место, и время.
Отдавала что можно — колечко, серёжку, пятак,
Серебром выкупала нудины горькие тайны,
Им, пустым, очищала купель, и постель, и еду...
Напиши мне шпаргалку, где будут ошибки случайно
Превращать предсказанье
В после-словье.
Проснулась.
Иду.

* * *

Утро висит междометием. День пока
В отдалении, словно картина, где рябь мазка
Различима едва, но уже набирает вес
И сюжет размывает, выпячивая процесс
Наживления мяса на хрупкую плоть холста.
Междометие утра, прекрасная немота.

* * *

Я иду в школу с каждым встречным первоклассником,
Иду из школы с каждой девицей с рюкзаком.
Я смотрю из окон школы на перемене.
Я возле школы резвлюсь щенком.
Я расту топодем, пыжусь клёном,
Я в тени клёна торчу пеньком.
Я уже в оранжевом, ещё в зелёном,
Тлею в чреве осени костерком.
Я плыву по синему бездорожью,
Впереди — дождевые другие я.
Я во всем надмысленно и подкожно.
У меня потрёпанные края,
У меня прострочка и слева пятна
От травы (ребёнок упал в траву) —
Как же мне вернуться в себя обратно,
Если я во всём и всегда живу?

* * *

Что у тебя болит, мой друг? — Слова.
Их ломит, словно кости на погоду.

Я не стужу их в это время года,
Стараюсь жить легко, и голова
Моя вполне легка, и ноги-руки,
И тело — все легки, бодры, светлы.

Мне было бы легко, когда б не звуки
В гортани — так больны и тяжелы,
Что я не ем, не сплю — ищу лекарство,
Листаю сотни личных дневников
Тех легкословных мудрых чудаков,
Что эту боль поставили на царство,
Ей подчинили быт, отдали кров,
Пустили в кровь, и пили словно воду...

Но у меня болит так много слов —
Я не хочу, не буду, пусть уходят.

* * *

Как древо корой, прирастаешь вчерашним воскресным,
Сегодняшним будним. А дальше упругая память
Спасает от прошлого тихой задумчивой бездны,
И тянет слабее, чем вера в сегодня толкает.
И манит случайно на завтрак отложенный пряник,
И завтрашний мир происходит, а нынешний тает,
И ты успеваешь попасть в кинохронику дня на экране,
А кто-то удачно проходит — и не успевает.
Как клеили пленку, как пар ацетона струился
Под двери, и тихо бобины свистели-гудели!
Как жизнь чёрно-белым текла по газетным страницам,
И солнечно-жёлтым, зелёным, оранжевым — в теле!
А мир происходит, приходит, проходит, тускнеет.
И твой перекрёсток уже прорастает корнями.
И чувствуешь больно, как в спину пульсирует память.
И хочешь вернуть, обернуться — но завтра важнее.

* * *

Что там впереди маячит?
Что манит за поворот?
По тропам усталый мальчик,
Про отдых забыв, бредёт,
Всё ищет дорогу к дому,
Всё хочет вернуться в сад,
В котором шаги знакомо
По гравии зашуршат,
В котором откроют двери
В молочный и хлебный рай,
Рассказам любим поверят,
Как смело ни привирай.
Уложат в уютной спальне
С прохладным льняным бельём...

Старик с торжеством печальным
Вступает в знакомый дом,
И с каждым шажком и скрипом
Всё ярче горит очаг,
И где-то играет скрипка,
И где-то хоры звучат,
И больше идти не надо,
Всё есть, никаких потерь.
И юноша, мальчик, чадо
Опять открывает дверь.

* * *

...А у меня тоже была собака.
С розовой пастью, лохматая сука.
Меня считала своим щенком.
Жила в гнезде из соломы, в будке.
Глядел — из жёлтого — чёрный ком
Глазами-смородами. Била лапами,
Металась, мела по земле хвостом,
Меня понимала. / Да, пишется штампами,
Да, примитивнейшим языком —
Мы в самом важном всегда одинаковы. /
Собаки нет. Тридцать лет, как нет.
Мне руки лижет молочный свет.
И у меня всегда есть собака.

* * *

Весна подползает
тянет на тряпочки и каблучки
любимый всё занят
какие-то пустяки
вроде работы денег насущного хлеба детям
а от горизонта неба угол в рассвете светел
а от горизонта серым тянет февраль и белым
а был любимый в лете солнечным загорелым
были дети как дети а не по центру мира
было рядом бессмертье в каждом углу квартиры
тянет от горизонта тихо сквозит
почти
неразличимо тянет на тряпочки-каблучки.

* * *

Уже июль, пока ещё без пуха.
Жара ушла, и улицы угрюмы.
Прекрасные курящие старухи
Опять сидят на лавке возле ЦУМа.
Их пальцы так сжимают сигареты,
Как сорок лет назад сердца сжимали.
Для них сейчас очередное лето,
От прошлых отличное едва ли.
А для меня оно замрёт, не сгинет
В потоке бесконечной бытовухи,
Пока еще сидят, расправив спины,
Прекрасные курящие старухи.

* * *

Сдам в аренду квартиру, машину, парковку и дачу.
Предлагаю вот это, немного большое, пальто —
Там булавка в подкладке, приколотая на удачу,
Там в кармане билеты в театр — и один спортлото.
Прилагается шарф: никаких аналогий с балетом.
Прилагается шляпа, но можно, конечно, и так.
Сдам в аренду всю осень, декабрь, ожидание лета.

А в аренду возьму — одиночество, старый чердак,
Обустроенный в тихом районе, среди черепиц и каналов,
Чтобы солнце утрами
Яичницу красило в цвет
Апельсина, и чтобы я снова весь мир принимала
За подаренный кем-то случайный прекрасный букет.

* * *

То ль на обуви мозоли, то ль на крыльях.
То ль полмира облетел, то ль исходил я.
То ли правдоньку искал, то ли смысл,
То ли слёзы я метал, то ли бисер.

А вторая мира — эх! — половина
В то же время всё и всех обходила:
Всё меня искала: где я, болезный,
Той, второй-то, половине полезный.

Мы немного разминулись в проулке
В нашей долгой врозь и порознь прогулке.
Мне бы снова на полмира бы силы —
Да полмира вся себя износила,

Вся истратилась на моль и обои.
Так что если повезёт вдруг обоим
Нам с полмира вдоль пойти, а не розно —
Это будет бесполезно. И поздно.

ЧТО ТЫ СЕГОДНЯ
ДЛЯ ВЕЧНОСТИ СДЕЛАЛ, МАЛЬЧИК?

С давней поры, с крылами из гофрокартона,
Этот чувак за плечом всё время маячит.
В ухо чуть слышно, мягоньким баритоном:
Что ты сегодня для вечности сделал, мальчик?

Детство. Пльвут над толпой плакаты, знамёна,
Надо бежать со всеми — а как иначе?
Миг — и стоишь, и слушаешь удивлённо:
Что ты сегодня для вечности сделал, мальчик?

Раннее солнце играет лучами сонно,
В окнах его отраженья мячом маячат.
Смотришь, куря, на громады микрорайона.
Что ты сегодня для вечности сделал, мальчик?

Тени вокруг сгущаются непреклонно.
В бедных ушах отголоски мата и плача.
Всё на весах, всё меняется, кроме фона:
Что ты сегодня для вечности сделал, мальчик?

* * *

Я — одинокий пешеход под раскалённой пяткой неба.
Асфальта выпуклый живот пылится зноем. Пахнет хлебом
Из переулка, где тогда, сто лет назад, закрыли лавку...
(Неприхотливая еда студентов, тёплый хлеб, булавка
На накрахмаленном боку пробитой кружевом короны
У продавщицы... Холодку воспоминаний, перезвону
Ассоциаций /каравай из гипса впаян в гипс колбасный
и надпись про богатый край и ясен день и небо ясно
и нет еще ни вен ни ног уставших только легкость бега
души и тела чей пирог грядущих будней и ночлегов
едва почат и духовит/ — я протяну ладонь из лета,
в котором прочно скроен быт, и пропаду в потоке света.
Очнусь от нежного шлепка, и — щедро бессловесен снова —
Утешусь криком. А пока — я утешаюсь бедным словом.

* * *

У ангела-хранителя работа — боже мой:
Искать, таскать, вытаскивать и приводить домой,
Лечить, поить ромашковым, и штопать, и латать,
Выслушивать про страшное, хранить, беречь и ждать.
У дьявола-хранителя забот не полон рот —
Ни мыть ему, ни шить ему корона не даёт,
Ему бы только скрипочку, да дождик за стеклом,
Да скрипую калиточку, и ангелу — облом.
И ангел пишет дьяволу межстрочья в букваре:
«С ним повторите главное — /три точки три тире
три точки/ — умножение на ноль — в итоге ноль!
А я в обмен вам выпишу для скрипки канифоль».

* * *

Вот галерея фотоснимков.
На этом снимке я в пижамке
Сражаюсь с тёплой липкой манкой.
Под стулом — мурзик-невидимка.
Он всей своей пятнистой сутью
Не в кадре, но вполне в сюжете.
Пижамка в крапинках уютно
Фланелькой греет, солнце светит
Сквозь ситец фотосветотени,
Сквозь синий, белый, жёлтый, красный,
Сквозь тюль, сквозь шторы, сквозь ресницы,
И манка в памяти лучится
Желтком подтаявшего масла,
И ждут какао и печенье.

* * *

Встаёт внезапный день, и распрямляет спину,
И ты, вчерашний червь, сегодня просто бог,
«Земную жизнь пройдя почти наполовину»,
Готовишься собрать в щепотку — соль, итог.

Ты озираешь хлам вчерашнего — обломки:
Каркасы кораблей и остовы мостов,
И отрясаешь — там, на пепелища кромке,
Весь прах и всю пыльцу. Ты к странствию готов.

Тебя не испугать. Тебя не обездвижить.
Не погасить запал, не обломать крыло.
Ты помнишь, как ты жил, и помнишь, чем ты выжил.
Тебе не повезло. А может, повезло.

И ты готов шагнуть, да что там — прыгнуть в небо,
И список городов — как список новых жён.

«Любимый, не забудь купить вина и хлеба.»
Ты снова не успел.
Сдавайся.
Окружён.

* * *

Робость — это такая работа души.
Не лови, не смотри, не спеши, не пиши.
Проживи целый век за пятнадцать минут издалече.
Робость — это желание плавиться, а не калечить.
Я её вспоминаю, как будто читаю по нотам.
Робость — это не дар, а работа.

* * *

Раз два три четыре пять
Я иду тебя спасать
От последней сигареты
От зимы в макушке лета
От чужих стучащих в двери
От своих которым верить
Ты привыкнешь но однако
От женитьбы то есть брака
От работы как занозы
От жары и от мороза
От
Тебе и невдомёк

Стоп
Спокойно
Спи сынок.

* * *

Я немоту в себе ращу, как рыбу.
Её кормлю, крошу ей хлеб, пшено...
Её боков чешуйчатые изгибы.
Она легка, но всё же любит дно.
Я немоту свою люблю, лелею,
И песнь её все слушаю в ночи.
Она моя голубка лорелея,
Она звучит — ах, как она звучит!
Я об неё стесала все ладони,
Я об неё сточила все слова.
И вот она звенит, звенит и стонет,
А я нема, как мягкая трава.
Сижу, молчу. Пусть немота созреет:
Набухнет плотью, вспучится икрой.
Я подожду. Чем дольше, тем сильнее.
И вот — ночной негаданной порой
Меня разрежет плавником вдоль хорды,
Меня у шеи жабрами прорвёт.
И выползет на свет, и поплывёт,
Всё тыча в грани мира рыбью морду,
Немое.
Но пока из нас двоих
Хозяйка я.
И я горланю стих.

* * *

Люди ходят и носят свои одиночества тихо,
и не любят, когда остаются так явно одни.
Снег мелеет, темнеет, грязнеет, становится рыхлым.
И бедняга февраль всё ломает края польньи —

Тёмной мутной водой заливает за шиворот память.
Светлых летних дождей времена ожидают вдали.
Бедный мир испещрѐн злыми трещинами-письменами,
Из которых сочатся слова, и под сердцем болит.

Одиночества ходят и носят своих человекoв,
И не любят, когда человекoи болеют тоской.
Снег февральский займет белизну у январского снега,
Чтобы слаще спалось под весны беспощадной рукой.

* * *

А жили достойно, достально, достадно,
А выжили — в морок, в мороз, в снегопады,
В степные ромашки. Но были летальны
И стали устоем, а надо б — наградой...

А жили в трудах, а прожили в смиренье.
Теряли, теряли, теряли, теряли...
Умели всему — даже грамоте. Тени
Вдоль мятой дороги комками летали,

И весь перекопанный лёд поколений,
И вся перебитая сердца посуда
Того многобедного разного люда
Во мне поместилась — тлен тленом во тлене.

Былое тлетворное стало нетленным,
Былое забытое стало прибитым.
Открыть бы, отрыть бы, что в прошлом зарыто,
Нащупать свой род до седьмого колена,

И дальше, и глубже, покуда не схватит:
Все — братья.

* * *

Бродячий театр душонки моей
Всё тащится вдаль в обнищало́й кибитке,
Роняя огрызки, и пепел, и свитки,
И крылышки снов, и осколки страстей.

Лошадка бесцветная мерно трусит,
И гривка топорщится стриженной щёткой.
Большой перегон, перегон ли короткий —
Едино. Вот солнце слегка моросит,

Роняя желтки, вот оплавился дождь,
Вот снежные ангелы манну случайно
Просыпали, вот им упрёк проворчали
Бесснежные ангелы. Зритель — хорош:

Встречает хлопками, всегда подаёт
За мятвый билетик простую монетку.
Бродячий театр, как старушка-левретка,
Дрожит, и печален, и служит, и ждёт:

А вдруг из господня кувшина — в ответ —
Не солнца желтки, не крупа ангелячья —
Кибитка-кибитища, занавес, свет
И сцена как площадь — за честного плача,

И честного смеха, и честной игры
Недели и месяцы годы и годы —
Достанутся? Вдруг неизбежны дары?
А он не готов ни к чему, кроме свода

Небесного, поля, степной суеты,
Комариков, оводов, яростной пыли,
И блеска пайеток поверх нищеты,
И лёгкости, прячущей годы усилий.

* * *

Поговорим сегодня о любви.
Любви к себе, как самом сложном деле —
Когда изъяны в скучном брэнном теле
Уже известны, мозг уже развил
Ту скорость мысли, от которой тошно
На поворотах логики шальной.
Когда уже за завтра не тревожно —
Лицом назад, ссутуленной спиной —
К вершинам, что когда-то твердью мнились,
А оказались облаком. Когда
Каноны красоты не изменились,
А ты — чего там врать, конечно, да.
Поговорим о ней, чей бледный свет
Зачах, угас и даже не дымится.
Любви, которой нет,
К себе, которой нет.
Пусть воскреснет.
Может, пригодится.

* * *

В гробу все старухи похожи:
Сухие сплетения пальцев
На впалой безвздошной груди,
Сухая бескровная кожа,
Укрывшая челюсти-пальца.
И нечего мёртвых бояться.
Запомни, смотри, пережди.

Потом — пожилое застолье
С кутьёй, киселём и блинами,
С шуршливым ещё шепотком:
А помнишь, а Галя, а Толя,
Подвыпили, завспоминали.
Наполнился памятью дом.

Поминки — такая отрада
Для тех, кому больше не надо
Спешить в послезавтра, где ждут
Такие же шёпот, конфеты,
Соседним могилкам приветы,
Нестрашный неведомый суд...

И лишь пятилетняя я
Боюсь истечения житья.

* * *

Они готовят друг другу подарки на каждую божью ночь:
Какие-то пустяки, сувениры из прошлых лет...
Смотрят вместе картинки — вот дом, вот младшая дочь,
Перебирают вещи — запонка, счастливый билет.
Им никогда не скучно — и всегда есть что обсудить,
Им никогда не зябко — у них всегда достаёт тепла.
Когда они были живы — у них были другие дела,
А теперь наконец-то можно
Вместе так интересно не жить.

* * *

Песчаность дней. Сыпучесть мироздания.
Текут лучи. Ломается душа.
И в это мутной, тёмной спозарани
Я думаю о божестве не спеша.

Я представляю — он катает глину
В колбаску, разделяет на куски.
Я представляю: он сидит, единый,
И мнёт комочки, лепит, трёт виски.

Фонарь ярится солнца молодого,
Парит — такая юная! — вода,
А бог из глины лепит — снова, снова,
И ищет форму, чтобы ей придать.
Вот шар, вот куб, октаэдр, пирамида.
Вот бог устал, вот подошёл к воде,
Вот наклонился. Ниже плещут рыбы,
Струится выше свет. На грани, где

Непереходны свет и тьма, внезапно
Склонившись, бог (в века — Нарцисс, привет!)
Впервые видит — и бежит обратно,
И лепит, лепит свой — себе — ответ.

По образу, мелькнувшему на грани,
Подобного — для многих дел и мук.
Без зрителя бессмысленны деянья.
Без слушателя Слово — просто звук.

* * *

Остатки бытия — в альбомах, на бумаге,
Которой серебро внушило светотень.
А ты босой идёшь в рассветном полумраке,
А ты нагой как нож встречаешь новый день:
Рубашки прошлых дней, прекрасные сквозь время,
Остались в темноте в укрomных нишах лет,
И к каждой прикреплён торжественный бесценник,
И каждую хранит свой доблестный скелет.
Ты чувствуешь спиной, как йориков глазницы
Рассеяно глядят в тебя из темноты.
У йориков нагих — свои одежд гробницы,
В них пыль и темнота. И их хранитель — ты.

* * *

Сыромятка лица, сухомятка подкушенных губ,
Брови плешивой ласточкой, пальцы сжаты до белых пятен.
Каждый в этом парке ей тяжек, болен и неприятен,
Каждый в этом автобусе для неё негативно сугуб.
Сыромятка вчера, сухомятка назавтreshних дел.
В сумочке корвалол протёк. Валерьянка и россыпь ношпы.
Кажется, там ещё ментол, и бальзам, и крем с расторопшей.
Кажется, там ещё аптека, почта и соцоtдел.
Всмятку мысли — она давно всё считает большим врагом.
Вкручен в пустой плафон бывшей яркой стоваттной крали,
Лопнувшей в пустоту, злой патрон. У неё украли
жизнь,
тишину,
друзей,
мужа,
маму,
японский зонт.

* * *

Протянуть руку погладить по голове
себя пятилетнего спящего на траве
зелёного стеганого одеяла
температура спала.

Протянуть руку дать точку опоры
себе тринадцатилетнему
бредущему вдоль забора
после поражения в неравном бою
духом не падай я ведь стою.

Протянуть руку положить на плечо поддержать
себя в том возрасте из которого не сбежать
тянуть свою лямку нести свой крест как меч
меч как крест на полянку бы обратно лечь.

Протянуть руку подтолкнуть колесо
коляски повозки потерять висок
кажется пора отращивать крыла
сам себе помог как сажа бела.

* * *

Ассоль просыпается, щурит глаза на свет.
У стенки храпит капитан корабля «Секрет».
Хочется крепкого кофе, пару галет.
Хочется снова в детство: привет, — привет.

Ассоль поднимает веки в каютный ад.
Читает дни, перелистывая в уме.
Вот в этот — можно б ещё повернуть назад.
Вот в этом — точно, была бы она юней...

будем играть в куличики из песка
будем бежать за щепкой ручей река
будем и снова будем не надо слов
сказок виолончелей и парусов

Опять солонины жареной кислый вкус,
Надводный рай, привлекательный для детей
И глупых женщин. Нить коралловых бус —
Последний алый в сереющей темноте.

Ассоль выходит на палубу — и в зобу
Спирает дух: полуостров течёт как сон
Над лепкой волн, что подчеркивают резьбу
Листвы и скал. Будут город и порт. В сезон

Ключей соли и ветра — прекрасен дар:
Скорей по трапу вниз, по дороге — вниз...
Корабль не тонет, прочен, держит удар.
Она не крыса. Она ненавидит крыс.

будем играть в куличики из песка
будем бежать за щепкой ручей река

будем и снова будем не надо слов
сказок виолончелей и парусов

Грей повернётся, сгребет со стола бутылъ.
Бросит на пол — с собой не возмёшь — костьль,
Тихо затаяет висельную петлю.
Алого паруса, детка, вали, люблю.

* * *

Случайный повод — как случайный поезд.
Торговки, рыба, фрукты, пирожки —
Попутчики, немного беспокоясь,
Скупают всё. С протянутой руки
Срывает ветром, крутит и уносит
Газетный лист, надежду на досуг.
Случайный повод есть и пить не просит.
Садись скорее, брат, попутчик, друг —
У нас в вагоне есть о чем подумать,
У нас в титане свежий кипяток.
Случайный поезд, весел и безумен,
Летит на север, запад, юг, восток.

* * *

Моя ромашка попадёт в цветочный рай,
где все цветы опять поля заполонили,
где бесконечен дождь слепой и неба край
врастает облаками в нежность лилий.

Мой кот отправится в кошачий рай, где свет
рассеян так, что сразу день и ночь, и можно
нырять туда-сюда, есть сливки, горя нет
и по хребту ладони глядят осторожно.

Моя машина попадёт в свой рай машин,
где для неё готов асфальт длиною в лето,
где каждый винтик от искусственной души
проходит путь по невозвратному билету.

А я отправлюсь в мир, где нет других забот,
но есть одна — придумать рай для тех, кто дорог,
и наблюдать, как мой цветок, машина, кот
играют в рая бесконечных коридорах.

Реальность, где Митиль и Тиль нашли давно
себе компанию из душ, в миру привычных,
зовет, как дудочка. И манит за окно,
что в даль распахнуто, мечта о безграничном
рае.

* * *

Утром после успешных занятий практической генетикой
человечество обменивается любезностями и пьет заваренный с вечера чай.
Лучшая половина человечества выдвигается в сторону ванной.
Сильная половина человечества обещает, что будет скучать.

Сильная половина человечества включает связь с внешней вселенной
посредством кнопки на сером корпусе, и идёт на поиски еды.
Стильная половина человечества изучает в зеркале тату на попе
и долго тестирует соотношение горячей и холодной воды.

Ворсистая на груди и конечностях половина человечества
обнаруживает в холодильнике остатки мяса
и жадно обгладывает хилые кости неизвестного существа.
Гладкокожая половина человечества выскакивает, обёрнутая полотенцем,
и с криками присоединяется к трапезе. Кости хрустят на зубах.
Природа права
в своем желании до бесконечности
повторять простые действия. Надо же чем-нибудь отвлечься,
пока в пробирках поношенных тел зреет аватар божества.

* * *

Ну о чём нам с тобой говорить,
кроме разве той пары случайных историй про нас?
Ну о чём нам с тобой горевать,
кроме разве той пары расколотых блюдец и чашек?
Мы уходим всё дальше, и мы остаёмся все дольше и дальше...
Мы тогдашние тихо стоим, и всё машем, всё машем, всё машем
Вслед вагонам, вводящим вокзал в гипнотический транс.

Тот вокзал переложен, как ватой, стусившимся светом.
Люди — словно подковы: сомкнули в объятьях тела.
Чуть кольшутся тени ступеней, ногами задепы,
И перила ребряты волной от чужого тепла.

Мы вернёмся домой, где тепло, и светло, и знакомо.
Завернёмся в уют, обогреемся сытым теплом.
Чувство дома с собой станет чувством обычного дома,
Где мы утром сидим — с чашкой кофе — за круглым столом.

* * *

Я принесу тебе дитя.
Оно родится в мир глазастым,
И будет жопкой солнце застить.
Ты будешь счастлив им, хотя
Оно, конечно, всё разрушит —
И план на жизнь, и план на славу,
И заберёт, как мячик, душу.
И будет совершенно право.

* * *

Гармонию измерив сантиметром
И взвесив всё, что отрицает вес,
Алгебраист качается от ветра,
Подвешен за таинственный процесс,
Где ни одна графа не даст итога,
Где графики стремятся в облака,
Где все мы — дураки под мудрым богом:
Дурак-поэт, и берег, и река,
И в нашей несусветной скоморошьей
Попытке сформулировать в цифирь
Всё то, что вырастает из подвздошья
В незримый мир, лишённый мер и гирь,
Мы постоянно получаем сдачу —
Рублём разменным, мелочью в пакет.
Купили хлеб, хотя могли — удачу.
Идём пешком, хотя могли —
Лететь.

* * *

Ты лежишь, раздавлен, в темноте.
Времени — полшага до погоста.
Всё вокруг не то, и все не те.
— Это рост, мой друг. Болезни роста.

Ты не можешь слово подобрать,
Чтобы мир освоить и оформить.
Мир тебя съедает. — Пубертат.
Просто пубертат, мой друг, всё в норме.

Ты бежишь от стаи, захватив
Самое бесценное в охапку.
Ты не смог. Ты умер. — Нервный срыв.
Вот рецепт. Пижама, кружка, тапки.

Ты без сил, размазан, как шпоре.
Встал. Упал, как шут в плохой репризе.
К чёрту. Виски, диско, кабаре.
— Всё проходит. Средний возраст. Кризис.

Ты считаешь, взвешивая, жизнь.
Ценишь всё, что в ней тебе досталось.
Каждый миг — как облетевший лист.
— Это старость, друг мой. Просто старость.

Ты впадаешь в свет. Летишь на свет.
Кто там встретит? Дед? Бабуля? Мама?
Скрип ворот.
— Привет, мой друг, привет.

* * *

Вполглаза любит и вполуха ценит.
Даёт щедрот и тягот в полуруки.
Гоняет, как тореро, по арене.
Как торо, ищет рёбра и виски.

Как целка, выбирает ночь нежнее.
Как шлюха, оглашает список трат.
Как самдурак, бряцает портупейей.
Как самый умный, прикрывает зад.

То шёпотом, то криком, то молитвой
Пронзает мозг, и требует, и ждёт.
Котейкой, канарейкой, битой, бритвой
Идёт по жизни, и меня плетёт,

Веревкой вьёт и узелком корёжит,
Херачит по суставам и спине.
Покоит, беспокоит, жжёт, тревожит —

Живёт во мне, купается во мне
Постылой сукой, вожденной девой,
Юнцом в соплях и старцем под косою —
Моя болезнь невнятного напева,
Мой крысолов, певучий крысобою,

Что дудочкой, как палочкой оркестру,
Даёт отмашку, и — фюить! — привет,
Я — по команде — шарю: буквы, место!
И отдаю полжизни за куплет.

У ОКНА

Когда чувствуешь, что стареешь,
Очень хочется спрятаться в детство:
Разбирать в коробке ракушки, камешки, лепестки.
Когда чувствуешь, что стареешь,
Изучаешь строение: сердце,
Вены, веночки и капилляры, лёгкие — пузырьки.

Выдыхаешь. Стекло мутнеет.
Подождёшь — и твой выдох застынет.
Превратится в трубку Магритта и цапель пух.
И, от неги внезапной слабея,
Ты стоишь дураком-разиней.
Ты стоишь, переводишь дух.

Перехватит — и схватит. Хватит.
Жизнь и так перешла границу,
До которой нужна. Нет страха и животной тоски,
Когда чувствуешь, что в кровати
Всё покойней утрами спится,
И во снах всё глубже заходишь в воды тёплой реки.

* * *

Время стоит в утомлённых трудами ладонях.
Влажные древа друг в друга ветвями врастают.
Нежно ступают стада по зелёному склону
И к горизонту летят бесконечные стаи.

Рыбы парят над седой широтой океана,
Переплетаются с птицами встречным движеньем.
Каждый и каждая ищет сейчас неустанно
В наново скроенном мире своё отраженье.

Яблоки зреют в тени безымянного сада,
Яблоки катятся вниз, и под деревом в долине
Змеем ньютонова тень ожидает награду —
Формулу тяги к весомай своей половине.

Яблочный спас угощает вареньем из долек,
Ева добавит немного корицы и мёда,
И улыбнётся Адам — он сегодня доволен
Тем, что обрёл притяжение и несвободу.

* * *

Цивилизованные люди не ставят лайки,
Не лезут с селфи, не спамят в личку.
У них язык — кофе-он, архаика,
Канонизированы привычки —
Вот тот же кофе, вот тот же Бродский,
Немного Шнитке и много джаза,
Вино сухое, акцент московский,
Но — старой школы. Уходят сразу,
Не лезут в кучу, не лезут в душу,
И церебральных не ценят фрикций.
И только на х*й пошлют как нужно —
Спокойно, нежно, с хорошей дикцией.

КВАЗИТЕКСТ

Не ангелоносителем единым,
Не ангелоспасённым, не иным,
Сквозь ангельское имя проводимым
— Быть вне системы, где любил, любим,
Где все считают — как псалмы читают,
Лукаво пропуская сквозь и врозь.
Быть вне того, что лечит и спасает,
Быть без того, что светит — и — насквозь
При этом понимать, что даже в споре —
Бесспорно неизбежно сопряжён
С любой из перечисленных историй,
И окружён, и всеу... И рожон
Искал как раз для выхода, но двери
Всегда и всюду — только светлый вход.
Не ангелоносителем потерян,
Но ангелоспасённый — подберёт.

* * *

Ну сколько ты так продюжишь в своём бессилье,
В своём решении жить вдалеке от моря?²
И в глине копать, как червь копошится в гнили,
Горшки обжигать и развешивать на заборе?²
По мискам корявой волной малевать узоры,
По чашам вести заскорузлой ладонью зыбко,
И помнить, ослепшим сердцем уныло помнить,
Как море тебя баючало в светлой зыбке,
Как море тебя растило, тебя кормило,
Как ты становился сильным, огромным, главным,
А море внизу плескалось в камнях, томилось,
Глубины прятало, чтобы побыть на равных.
И вот ты вышел из моря, ушёл от моря,
Не пишешь писем в бутылках, не шлешь с друзьями.
Ты долго спорил с собой, и с другими спорил.
Легко быть твёрже чем море, вода не камень,
Вода всё точит, но только точить ничего не хочет.
Вода всё помнит, и хочет тебе помогать хоть в глине.
Ну сколько ты так протянешь, и днём и ночью
Прозревшим сердцем видя лишь море синее?²

* * *

Неразменна монета ненужной любви.
Хоть бросай, хоть теряй — всё вернётся сторицей.
Ты ее подаёшь — а она тебе снится,
И обратно наутро влетает — лови! —
Прямо в форточку мира. Ты слаб и устал,
Ты потратил монету на мелкие блага.
А она возвращается — прочь суета! —
В твой дырявый карман, как собака-дворян
Прибегает-юлит — на знакомый порог.
Ты богат, ты отмечен. Тебе не укрыться —
Реверс этой монеты сквозь прочие лица
Лишь одно проявляет. И ты одинок
В этом праве дарить без свободы беречься.
В этом праве платить без свободы уйти.
Да, такая любовь, как проказа — не лечится.
Ты богат, как никто.
Ежедневно плати.

* * *

Плохие сильные стихи
Растут из печени из почек
Из сердца прочей требухи
Вот затынись ещё глоточек
Плохие сильные дела
Растут из страха из боязни
Из прочих видов личной казни
Как чёрен день как ночь бела
Плохое сильное добро
Растёт из многожды картины
Где побежден ударом в спину
Хороший слабый негерой
Как мы плохи и хороши
Как мы умелы и безруки
Как мы помешаны на стуке
Костяшек бредящей души

* * *

Берёшь себя, несёшь себя сквозь завтра.
Себя планируешь. Себя рисуешь, пишешь.
Как строгий критик, убираешь лишний
Себя акцент. Как дружелюбный автор,
Советуешь себе себя к прочтению.
Советуешь себе себя к просмотру.
Себя, как нелюбимую работу,
Вершишь сквозь зубы. Пестуешь смиренность,
Себя включаешь в список важных знаний,
Себя качаешь в люльке, отдыхая.
И, мир безличный бережно вдыхая,
Застрявшего, как лис, в себе-капкане,
Себя грызёшь, и бремя отсекаешь.
И мир исполнен новым безъязыким
Ликующим искрящимся безликим.
И новый ты — из слова — вырастаешь.

* * *

А поутру они проснулись. Двор
Был осиян, и с неба пело светом,
И вдалеке качался караван
Барашек-облак, пахло новым летом
И свежим чем-то, что нельзя назвать,
Но стоит вспомнить в старости непрочной.
И много было в будущем утрат —
Но ни одной, сравнимой с этой ночью.

* * *

Чем ты питаешься? Которой из физиологий?
Жидкостей много.
Гумором черным, как добрый Иванов?
Желчью, как гости духов и туманов?
Кровью, как ломаный бог Маяковский?
Питаешься ты — по-каковски?
Язык, как руду, извлекая отборно
Из воздуха, света и прочего корма —
То пьем, то просим, то роем, то свищем,
И снова уходим в пространство, где ищем —
Внезапно — другого, не скрытого в венах,
Не с запахом-цветом, не с брызгами пеной —
А с тонкотворением в мире бестельном,
И видимом, и очевидно отдельном.
И тело ломает, как путь — поворотом,
Как новую память — густым приворотом,
Как ветку черёмухи руки торговли,
Как чадо печенье, как кролик морковку.
И вся неспособность сродниться с бесплотным
Сливается в буквы: и соком животным,
И кровью,
И потом.

И вот он —
Очередной
Невеликий немой:
Ничей.
Ешь.
Пей.
Владей.

* * *

Путь война — от манной каши,
От пенки в супе с лапшой молочной,
Зарядки утром — туда, где старше,
Где всё большее,
где всё непрочно.

Путь война — от дней домашних,
Где запах млека сквозь запах хлеба,
Сквозь храмы знаний, сквозь время пашни,
Туда, где с каждой ступенью — в небо.

Где с каждым вздохом приходят мысли
От древних честных — вождей, героев, —
Про то, что главное — не сразиться,
А стать сильнее, чем тяга к бою.

* * *

Треки капель по стеклу,
Звук — как стук хрустальных бус.
Здравствуй, я к тебе вернусь,
Хоть тебя и не люблю.
Рыжий, серый, беж, асфальт.
Паутиной липнет сон.
Зябнет тихий телефон,
Тихо клавиши стучат.
Я к тебе вернусь, мой текст,
Голем, глиняный урод.
Всё пройдёт, и всё придёт —
Сила слов, молчанья вес.

* * *

Острый приступ любви заставляет схватиться за левый бочок
Острый приступ любви застилает глаза мутноватой слезой.
Обострение счастья не лечится. Только старушкой с косой.
Но тебе рановато, а значит, пускаешь обратный отсчёт:
Продышаться, нащупать карман, нет, другой, запалить, прикурить,
Созерцать вышину, где гнедое охвостье закатной зари
Рассекло облака. Ждать, пока во дворах не зажгут фонари.
И молчать. Лишь бы не повторилось.
А бок все болит.

* * *

Не она ль тебя поила из последних лет и сил?
Не она ль тебя хранила так, как ты и не просил?
Не она ль тебя любила как умела, как могла?
Не она ль тебя от пыла пошлой были стерегла?
Нежно горлышко сжимала, обнимала до костей,
То лепила, то ломала. Меж харибдами страстей
И — ба! — сциллами пристрастий пролагала трудный путь,
Между розой и лилеем не давала отдохнуть,
Отбирала всё до нитки, чтобы в омут с головой?
Всё. Оставлено. Забыто.
Пусть без музыки.
Но — живой.

* * *

помогите отыскать мою девочку
помогите отыскать моего мальчика
а у девочки в косе синя ленточка
и у мальчика на щечках по ямочке
Мама, мама, посмотри, мама, мама!
Мама, мама, это мы, твои дети.
нет у вас глаза как старые ямы
а в глазах моих детей солнце светит
вы же старые меня даже старше
вон морщины и одеты как тати
а мои детишки ягодок краше
в них здоровья на всю жизнь точно хватит
помогите покажите дорогу
чую знаю где-то тут проходили
Мама, мама, посиди ради бога,
Мы с тобой, мы вместе столько лет жили!
Пусть мы выросли и чуть постарели,
Даже стали сами с семьями тоже...
уходите как вы только посмели
мне про годы я не буду моложе
но и старость далеко только дочка
убежала непослушная стала
а когда-то без меня ни шажочка
что-то правда я немного устала
подышать бы мне спокойно без кашля
пробежаться бы с сыненком под мышкой
я себя все ощущаю как раньше
только в зеркале не то как так вышло
я себя всё помню юной подростком
лет четырнадцать по памяти где-то

это знаете ли очень непросто
два ребенка чтоб обуты одеты
мужа съело на военной дороге
а родителей я помню но мало
Мама, мама, посиди ради бога,
Ты устала... детки да я устала

* * *

Вливается солнце желтком в молоко через край
Небесной тарелки, чей краешек в трещинках веток.
Вдали от рождения больше холодного света,
Вблизи рождества всё теплеет. Бери и играй —
Жонглируй словами, картинки лепи до утра:
Лошадка, звезда, золотинка на грецком орехе,
И ёлочный рыцарь одет в расписные доспехи,
И ёлочный дом от врагов бережёт мишура.
Вертеп собирает игрушки в единый сюжет,
Одну уберёшь — и останешься ждать без ответа.
Счастливых бредущих волхов и небесного света
В сюжете неполном моём непростительно нет.

* * *

Добрая память, пошли мне то утро,
Где на скамейке в обнимку с Маришкой
Я всё сижу, улыбаясь кому-то
Взрослому — маме ли, папе ли. Лишний
Миг ожидания дарит так много:
Туго закручен коричневый локон,
Щеки блестят целлулоидом, око
Полуприкрыто. А в небе глубоком
Всё отражается правильной, строже:
Те же картинки, картинки другие —
Жук-древоточец, цветок-подорожник,
Девочка-птица и кукла Мария.

ГЕЗЕЛЬ ШЕНА

(Грех похищения сна)

Жаль, что ты не украл этот сон!
Он мне был совершенно не нужен.
Сон был узок и пуст, как загон.
Сон был грязен, как мутная лужа.
Почему ты меня не будил,
Ждал, когда я проснусь от рассвета?
А в меня сон протяжным стилетом
Проникал, и со мной говорил.
Я во сне не хотела дышать,
Мрак глотала, как вязкую воду.
И мгновения полуухода
После сна продолжают держать
Этот день, как поднос, на весу.
Чуть толкнуть — и в фарфоровой пудре
Пятна кофе на светлом ковре.
Снова чистить, и ладить, и греть,
И заваривать мир...
Добрый утром
Я твой сон украду — и спасу.

СОН НА СУББОТУ — 1

/как оказалось, в трактовке Йосефа Альбо/

Авель, где брат твой, Каин?
Отец, не знаю.
Я тут немного пьян, и дыру латаю.
Есть на плаще пара прорех в кровянице.
Каин ушёл, видимо, правды ищет.
Он тут кричал, что убивать не надо
Коз и ягнят, господу, мол отрада
Те же цветы, те же плоды, травы —
Не заплатить, жить захотел лукаво.
Я же плачу кровью овец честно.
В мире для нас, разных, теперь тесно.
Вот и ушёл брат собирать, видно,
Травы в горах. Или ему стыдно,
Что не сумел эту нести ношу —
Право отдать лучшего, не поплоше.
Каину что овца, что дитя — равно.
Я ж отличу, это моё право.
И если овн господу мил, значит,
С маткой его вместе господь плачет —
Падает дождь, кормит луга соком.
Бродят овны, думая о высоком,
Кормятся, ждут, чтобы занять место
Жертвы. Они сами идут, честно.

СОН НА СУББОТУ — 2

Приснился град — как сад с огромными корнями.
Он в новые места всё полз. Тянулся след
За горный горизонт. Корней седое пламя
Вгрызалось в плоть камней, лизало синий цвет
В небесной вышине, где раньше были стены
И где во сне текли вдоль ветра облака.
У самых облаков сплетаясь, корни-вены
Бугрились белизной, скрывая мышцы скал.
И тени стен, людей, коней, телег, кувшинов,
И отзвук суеты, крикливой, шепотной —
Впитались в корневищ сплетённую махину.

А град сиял вдали.
Немыслимый.
Родной.

ТЕТРАМОРФ (ПРОБУЖДЕНИЕ)

Триангел отражается в стекле,
Триангел всё бликует, всё ликует,
Поёт во славу, грезит, в ус не дует,
Чихает на пыльцу, на пыль, на тлен —
Он призван для уборки. Урожай
Давно уложен, и триангел весел —
Ему б ещё вина, и он бы песен
Навспоминал — любую выбирай!
А ты сидишь, распахнут, как рояль,
И межреберье клавишами стынет,
Ты столько этих песен наметал —
По синей простыне янтарной дыней,
По зелени стола шотландкой треф,
По телу белу сетью междометий,
Теперь разверст, впервые нем — и светел.
Триангел — твой орёл, телец и лев.

* * *

Где ты что ты и дней абак
И часы всё своё тик так
И снега всё своё скрип скрип
Ты поёшь ещё иль охрип
Ты живёшь ещё или уже
Доживаешь держа в душе
Выключатель готовый off
Я тебе занимаю слов
Я тебе отдаю свои
Наливаю держи живи
Льётся горлом идёт течёт
Открывает обратный счёт
Что я где я и дней песок
И тик так все стучит в висок
Ты мне займ возвратил сполна
Сам иссушен пролит до дна
Открываю скорей запас
Потерпи я сейчас сейчас

* * *

Она ходит с книжками в сумке —
Продаёт, как редиску и рукавички.
Она много тяжёлого думала —
Весь лоб разлинован, все личико — привычка
Жить напряжением, говорить выражением
И мучить любое своё окружение
Вопросом:
Читали? Пять книг, сам-издательство,
На пенсию. (Гордо.) У всех обстоятельства,
А мне не хватает — хожу, продаю,
То в парке стою, то на рынке стою...
Из сумки торчат: газировка ситро,
Улитка платка и чужое нутро.

* * *

Мама я потеряла опять перчатки
Совесьть ты потеряла Марина совесьть
Где я тебе найду каждый день по паре
Будешь ходить как дурища в рукавицах
Да на резинке как в садике чтобы знала

Мама я потеряла подругу Лену
Лена теперь с Эльвирой гуляет вместе
Ладно Марина выпей-ка детка чаю
Вот тебе кстати перчатки куплю себе позже
Шарфик смотри ты по цвету весна подходит

Мама я потеряла его потеряла
Он не приедет больше я точно знаю
Совесьть ты потеряла Маринка совесьть
Выпей ромашку тебе нельзя волноваться
Надо купить обои бельё кроватку

Мама я потеряла опять работу
Много больничных мало могу в выходные
Взяли Эльвиру она успеваает больше
Детка смотри вот курсы шитья и кройки
Ты же весна и вкус у тебя отменный

Мама я потеряла ну как же мама

* * *

Один един, как перст,
Другой разверст и перемножен
На все протянутые руки.
Один в усталой муке
Бредёт и бредит праздничным уютom,
Другой в дороги как в тенёта впутан.
Один считает тусклые восходы
И укрывает слабенькие всходы
Ладонями, крылами —
А второй
Считать давно и метко не умеет,
И зёрен нет, и пашни не имеет,
Зато бескрыл и увлечён игрой.
Один второму пара ли, не пара?
В холодном спектре облачного пара
Есть все цвета в момент, когда гитара
Соединяет первых и вторых
И заплетает перст в дорожный узел,
И все растёт, спасибо маме, музе,
Собрату по перу и кошке Мусе
За нежность песни,
За удар под дых.
Но Боливар не вывезет
Двоих.

* * *

Непушкин Саша ходит хмурый и курит много сигарет.
Сопит Наташа (бабы дуры), уж полночь близко, пива нет.
Непушкин Саша — скоро сорок, и третий брак как третий срок.
Век краткий для поэта дорог реальным шансом длинных строк.

Непушкин Саша был бы счастлив закончить век лет дцать назад,
Но был тогда женат на Насте (крутые бедра, круглый зад),
А после Машенька с грудями как (дальше будет много букв).
Теперь Наташка, слезы, к маме, отстань, не трогай мой ноутбук..

А Саше срочно строчки нужно впечатать вечности в лицо,
Чтобы фамилия «Непушкин» со словом «жив» была как «Цой».

* * *

Как тебе можется, как тебе любится?³
Время течёт нарисованной рыбицей:
Плавно — по брюшку, в излом — плавником.
Тоненькой кожей, нежной скорлупицей,
Чётным-нечётным ромашка улыбится —
Память ненужное кроет. О ком
Помнишь и ведаешь, даже без отклика —
Дети, пирожные, запах малиновый,
Боль в пояснице, ломота в боку...
Время преследуя — жив ещё вот пока,
И невозможное слито в единое —
Нет, не напиток броском на бегу.
Как тебе любится, как тебе можется?³
Время стоит протухающей лужицей,
Еле кольшет усталую гладь.
Это окупится, это отложится...
Время стоит нарисованной рожницей —
Стрелки-усы и лицо-циферблат.

* * *

Эта весна всегда уходила внезапно
вскакивала и убегала пока
он шурушал туалетной бумагой
или искал стакан
и резал хлеб глазунья шипела
пока этой весны легконогое тело
летело где-то в тени законных деревьев
он ставил вертинского про королев
к её приходам и убирал журналы
с голыми бабами а ей было мало
и чистого стакана и вокального раритета
он боялся к ней прикоснуться
катилось лето

Эта весна где-то там забеременела и родила
он до последнего не верил что так облажался
он напивался
и вспоминал
как мыл стакан как прятал носки под диванный валик
чего спрашивается, зря время теряли

* * *

Очнуться в воскресное утро, и что-то ещё.
Вот чай, лучше кофе, яичница, хлеб, бульон.
Вот скоро обед, не забыть бы купить батон,
Сметану и лук, и что-то ещё, и щёлк

Реле не даёт мне вспомнить — и я иду
Вдоль дня, понемногу его проходя как квест:
Пельмени, жаркое и вымыть посуду, лес,
Прогулка, побольше фото, и что-то ещё

Открыть ключом, снять ботинки, поставить чай,
Проверить почту, поправить шторы, смотреть сквозь лёд
На белый город, крутить на пальце и это пройдет.
Любить весь мир как умеешь и что-то ещё.

* * *

Сам себе мерная мера,
И к чёрту прокрустовы хрусты.
Сам себя знаешь от трещин до нежных корней,
Чем прирастаешь, что тянет, что тащит —
Знаешь до жилочки, косточки, хрящика.
Только тебе предоставлено право
Взвешивать — густо и пусто,
Последний и первый.
Сам себе сам
Аз воздам.

* * *

Можешь не чесать — не чеши,
Можешь не писать — не пиши,
Можешь промолчать — промолчи.
Деньги на проезд и ключи,
Там в подъезде лампочки нет,
Сквозь окошко тусклое свет,
У соседей пахнет котом.
Не пиши ни слова о том,
Как стоял и лоб холодил
Краской стенки, краской перил,
На ступеньках тузиком ждал.
Как шаги чужие считал.
Не пиши, забудь, убери,
Это стыдно, это внутри,
Пусть потом слежится в комок,
Стрельнет в сороковник в висок,
И в полтинник вломит в ребро:
Как ты ждал, копил серебро
Слов, словес, медяшки стихов.
Злато тишины пропоров,
Ножиком складным, от души.
Напиши.
Скажи.
Не греш.

* * *

Обесточено,
Между прочим, —
Это насильственно вырвано из сети.
Вот тебе мячик, книга, люди — сиди,
Изучай, не двигайся.
Будь как ночью —
Только днём.
Не маши руками, не говори.
Принимай, не транслируй —
Копи небольшой заряд.
Не надейся на восстановление линий.
На клеммах искритя иней.
Провода словно плети висят.
Но ты —
Будь летний внутри,
И не будь перемерзло зимний.
Потому что вся эта химия,
Вся эта физика,
Электролиз, баланс щелочей, замыкание искрами —
Безусловны.
А ты — увы —
Словен, и словозависим. И слово —
В начале твоём.
Разряд.
Подъём.
Встань и иди.
Лазаря следы —
Обгорелый окоём.
Столько ждал в тишине,
Выживая,
Что внутри —
Шаровая.

* * *

«я купила тебе семена сладкой ярко-оранжевой тыквы...» (с)

Я купила тебе пару книг, автор — тёзка той самой подруги,
У которой когда-то в гостях мы не встретились, липкие руки
Не сжимали под тесным столом,
Не искали касаний в подъезде, мы ни разу там не были вместе,
Но обоим нам дорог тот дом.
Я купила тебе семена сладкой ярко-оранжевой тыквы —
Я не знаю, зачем, никогда не представляю тебя я в саду-
Огороде /бредущим вдоль гряд —
Тыквоцветные вяло поникли
В ожидании, тянутся вверх, пьют из рук твоих, в силу идут
И рожают огромных детей, сытых, жёлтых, как сонные Будды/
Я купила тебе от простуды шарф — пушистейший шарф-горлогрей.

Но посылка, увы, не идёт
В прошлый год.

* * *

Гольи́й, босы́й, белёсы́й, прошиты́й синью.
Весь разбросан по собственному бессилию.
Весь расчерчен по собственному покрою.
Я себя от себя не спасу, но хотя бы прикрою.
Тихи́й, стылы́й, усталы́й, обледенелы́й.
Хруп — и силы опять сквозь мысли ушли из тела.
Сетка век паутинкой на роговице.
Жизнь как снег: след от валенок на половицах.

* * *

Скажи мне чего тебе хочется после секса
и я расскажу сколько тебе осталось
чай сигарета бумажное полотенце
яблоко отбивная расправить парус
скажи мне что снится тебе в предрассветной тяге
души к отлетанию в мир где забыта тяжесть
подполье сады кувшинки окопы маги
и я расскажу почему небессмертье лаж.
скажи мне молчи я сама понимаю лучше
пока ты ещё рисуешь из мыслей тексты
пока ты почувствуешь я нарисую тучу
пока ты прозреешь я нарисую бегство
скажи мне...

* * *

Смотришь из зеркала. Хочется: белое-белое-белое платье,
Светлосиреневый лепет с пчелиным и яблочным духом
В мейсенской паре у рамы, весёлый попутный вербатим
Ни для кого, просто хочется сочно и вслух. И —
Чтобы катались по комнате звуки, как камни
В кромке прибрежной в мгновения сильных волнений
Вечной воды, —
Собирать всё, что завтра в минувшее канет,
Но на сейчас представляет безмерную ценность.
Позавчера, позапрошлый, позапрошлогодний!
Дайте мне ваши в молочный туман погружённые спины
Снова увидеть во сне, и я — мало-мальски, почти непригодно
Вас зарисую, поймаю — хоть в сети-морщины.

* * *

Куда бечь,
Где и с кем прилечь,
Кому пулю, кому картечь,
Не написано в старом букварике.
Светишь в будущее фонариком —
А тебе в ответ темнота
Возвращает пылинки, соринки,
И ни пёрышка из Метерлинка,
И ни усика от кота,
Открывающего двери в лето,
Ни автобусного билета
С номерами счастливых дат.
Только кнопкой фонарной богат,
Только способом посветить,
Только жаждой не уходить,
А идти, ковылять, ползти —
По намеченному пути.

* * *

Просыпаешься с мыслью побега разезда развода —
И свобода маячит незримым призраком блуда.
Усмиряешь мысли: мол, такова природа...
Убираешь мысли: а, он такой зануда!
Назначаешь — кофе... Едешь как после мессы
И ладонями остужаешь уши и щёки.
Пролетает мимо — а, он такой повеса!
Попадает в сердце: «выглядит одиноким».
Выбираешь честность. Делишь детей и силы.
Проживаешь тысячу жизней за полминуты.
Открываешь — он такой утрами красивый!
Открываешь, что он такой — немного зануда.
Просыпаешься с мыслью — вы вместе встретили старость,
И осталось жизни — всего каких-то лет сорок.
Выбираешь платье с разрезом — такая малость...
Выбираешь — кофе, и точка.
Изыди, морок.

* * *

Ты веришь в меня. Я расту и коплю силы.
Я каждое утро себя заряжаю завтра.
Рисую картины завтра. Они красивы.
В них я — изумлённый своим торжеством автор,

Случайно попавший, дурак дураком, в мудрость.
Случайно прозревший, пока все ещё спали.
Случайно открывший слепым холостым утром
Маршрут напрямик в те — в досталь всего — дали.
В ту щедрую явь, где братаются все словом,
В оттаявший мир — ясный, пивной, брашный,
Где слово важней денег, двора, крова.
Где каждое слово весом растёт в пашню.
И каждое слово над пашней парит птицей,
И каждое слово вдоль пашни бежит зверем.
Я буду тебе сниться. Пока — сниться.
А ты — продолжай.
В меня продолжай
Верить.

* * *

Всё это тебе приснилось за полчаса:
Обед, и дитя, и усталый субботний муж,
Соседка, четверг, работа, весенний сад,
Колёса автобуса в соке свинцовых луж,
И пар изо рта, и промёрзший до слёз подъезд,
И тяга к чужому теплу за седым стеклом —
Всё это тебе приснилось. Вставай! Подъём!
Тебе скоро восемь лет, и волчок не съест.

* * *

Мой ангел кричит твоему — поиграем в снежки!
Твой ангел вдоль улиц бредёт, полон светлой тоски.
Мой ангел кричит твоему — посмотри, снегопад!
Твой ангел не слышит, он дышит на город и сад.
Мой ангел бежит по колено в сугробах, крыла
Вихрятся, вихры растрепались, он полон тепла,
И снег, твоим ангелом ссыпанный в утренний мир,
Его развлекает. Но твой — от игры дезертир —
Куда-то пропал. И мой ангел вдоль улиц бредёт.
А, это же прятки — сейчас твоего он найдёт!

ПОЭТ, У КОТОРОГО БОЛЯТ СЛОВА

Вторая книга стихов Ольги Левской выходит практически вслед за первой (чисто формально это вроде бы не так — на титульных листах стоят две даты — 2017 и 2018, но по существу это один год). Такое в издательской практике случается при соблюдении двух условий: во-первых, быстрый и безусловный успех первой книги, а во-вторых, достаточная наполненность творческого «портфеля» автора. Тут имело место счастливое совпадение и того, и другого, что, собственно, и позволило в короткий срок подготовить к изданию новый сборник.

Успех «Женской грамматики», впрочем, не стоит преувеличивать. (То, что весь тираж разошёлся, это, несомненно, плюс, но что это был за тираж? 250 экземпляров.) Хотя, помимо чисто коммерческой составляющей, тут сыграли свою роль и попутные творческие достижения: заявки на книгу приходили со всей страны — от Калининграда до Сахалина, а сама Ольга стала лауреатом престижного международного конкурса «Эмигрантская лира». После успешной презентации дебютной книги в Доме Искусств О. Левская провела множество встреч с читателями — как в Красноярске, так и в городах и районах края. Что касается «творческого портфеля» автора, то Ольга Левская не принадлежит к числу поэтов, пишущих «в стол», она пишет много и довольно часто выкладывает написанное в соцсетях. Я с большим интересом отслеживаю этот процесс и вижу, как на глазах расширяется тематический и эмоциональный диапазон её лирики, оттачивается профессиональное мастерство. Вообще, она, на мой взгляд, переживает тот счастливый период жизни, когда поэт, простимулированный первым публичным признанием, раскрепощается и пишет, пишет (и всё у него получается). Стихи рождаются как бы сами собой — свободно и радостно. Это совсем не то, о чём в своё время с восхищением и ужасом писал Б. Пастернак:

*О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!*

И хотя дебют Ольги Левской был куда менее болезненным, она до сих пор чувствует некое душевное неустройство, какое-то смутное неудобство

от слишком тесного соприкосновения с трагизмом бытия, с беспощадной логикой истинно поэтического мироощущения и это отливается в такие тревожные строки:

*Что у тебя болит, мой друг? — Слова.
Их ломит, словно кости на погоду.
Я не стужу их в это время года,
Стараюсь жить легко, и голова
Моя вполне легка, и ноги-руки,
И тело — все легки, бодры, светлы.
Мне было бы легко, когда б не звуки
В гортани — так больны и тяжелы,
Что я не ем, не сплю — ищущ лекарство,
Листаю сотни личных дневников
Тех легкословных мудрых чудаков,
Что эту боль поставили на царство,
Ей подчинили быт, отдали кров,
Пустили в кровь, и пили словно воду...*

*Но у меня болит так много слов —
Я не хочу, не буду, пусть уходят.*

Нет уж, дорогая Ольга Сергеевна, теперь у Вас ничего не выйдет, Вы «вечности заложник у времени в плену».

Лирика Ольги Левской по своей природе медитативна, её нерв — напряжённое размышление над сложностями и противоречиями бытия. Но это размышление почти всегда лишено слишком сильных, «пограничных» эмоций вроде ужаса, отчаяния или негодования. Благородная сдержанность в выражении чувств (порою очень сильных) — привлекательнейшая черта её «творческого поведения». Такого рода добровольное самоограничение производит особое впечатление именно сейчас, когда сняты почти все внешние запреты, когда, казалось бы, всё можно... Всё, кроме того, что поэт сам себе запретил (и даже отдельно это продекларировал):

*Можешь не чесать — не чеши,
Можешь не писать — не пиши,
Можешь промолчать — промолчи.
Деньги на проезд и ключи,
Там в подъезде лампочки нет,
Сквозь окошко тусклое свет,*

*У соседей пахнет котом.
Не пиши ни слова о том,
Как стоял и лоб холодил
Краской стенки, краской перил,
На ступеньках тузиком ждал.
Как шаги чужие считал.
Не пиши, забудь, убери,
Это стыдно, это внутри,
Пусть потом слежится в комок,
Стрельнет в сороковник в висок,
И в полтинник вломит в ребро:
Как ты ждал, копил серебро
Слов, словес, медяшки стихов.
Злато тишины пропоров,
Ножиком складным, от души.
Напиши.
Скажи.
Не греши.*

Одно из замечательных свойств поэтики Ольги Левской — непринуждённое и естественное сочетание вроде бы несочетаемого: отвлечённой метафоричности с чисто бытовой детализацией житейских подробностей («У соседей пахнет котом»). Это присутствует не только в пределах одного (программного) стихотворения, но и в свободном пространстве всего сборника, принципиально не поделённого, в отличие от первой книги, на разделы — стихи здесь льются непрерывным и вроде бы неструктурируемым потоком, в пене которого неожиданно всплывают и такие дерзостные признания:

*Вполглаза любит и вполуха ценит.
Дает щедрот и тягот вполруки.
Гоняет, как тореро, по арене.
Как торо, ищет рёбра и виски.*

*Как целка, выбирает ночь нежнее.
Как шлюха, оглашает список трат.
Как самдурак, бряцает портупеей.
Как самый умный, прикрывает зад.*

*То шёпотом, то криком, то молитвой
Пронзает мозг, и требует, и ждёт.*

*Котейкой, канарейкой, битой, бритвой
Идёт по жизни, и меня плетёт,*

*Веревкой вьёт и узелком корёжит,
Херачит по суставам и спине.
Покоит, беспокоит, жжёт, тревожит —*

*Живёт во мне, купается во мне
Постылой суккой, вожденной девой,
Юнцом в соплях и старцем под косой —
Моя болезнь невнятного напева,
Мой крысолов, певучий крысобою,*

*Что дудочкой, как палочкой оркестру,
Даёт отмашку, и — фюить! — привет,
Я — по команде — шарю: буквы, место!
И отдаю полжизни за куплет.*

Поэзия Ольги Левской, как видим, помещается на узенькой полоске между безмятежностью мировидения и трагизмом мироощущения. Это опасный баланс: шаг влево — и ужас «полной гибели всерьёз», шаг вправо — и идиотизм оптимистической пошлости. Мне чрезвычайно импонирует такая позиция, в чём-то близкая философии героического стоицизма: мир, конечно, кошмарен, но надо жить, потому что мир прекрасен.

Владимир Василенко

Ольга Левская.

Женская лексика 18+.

Художественное издание.

Литературный редактор: Нина Ягодинцева.

Дизайн: Святослав Одаренко.

Орфография и пунктуация автора.

Подписано в печать 1 февраля 2018 г.
Формат 60 × 90 / 16. Уч.-изд. л. 0,7. Усл. печ. л. 3.
Гарнитура Академия. Печать цифровая.
Тираж 100 экз. Заказ № 18 / 03.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ИД «А—СИБ» (ООО «А—СИБ»)
630091, г. Новосибирск, ул. Фрунзе, д. 5, оф. 604.

